

Человек-архипелаг

Век. Москва - 1998 - 10 дек - с. 3.

Григорий ПОМЕРАНЦ

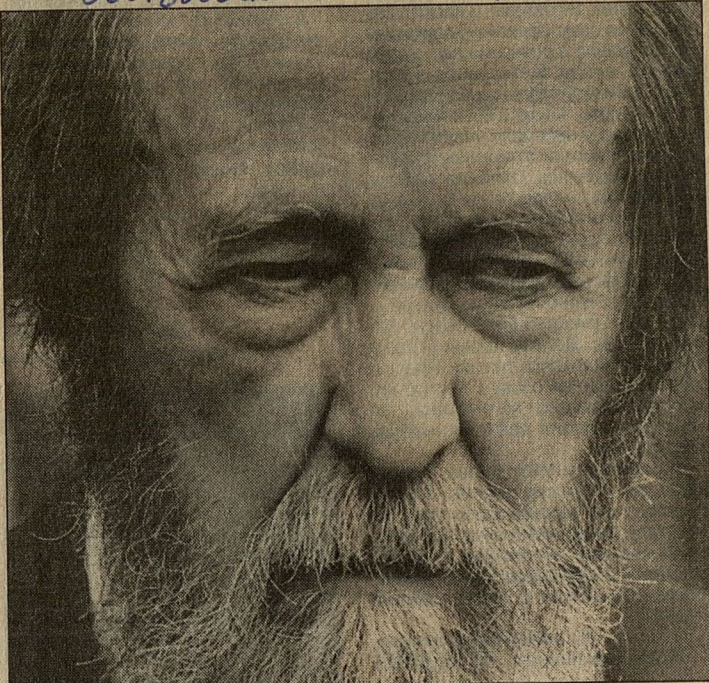
«Взгляды Солженицына, изложенные как система, вызывают во мне множество возражений. Но его гордый дух, ставший объектом художественной исповеди в «Архипелаге», поражает и захватывает. Как бы ни смотреть на дело с моральной и религиозной точки зрения, эстетически Солженицын на месте в своем шедевре. И не только потому, что без неизгладимой памяти на зло, без неспособности прощать — «Архипелаг» не был бы написан. Есть еще художественная необходимость: центральный характер Ада не может быть ангельским... Мстительный дух, радующийся, что зад Крыленко не влезал под нары, — правдив и на свой лад прекрасен. Великолепный клубок воли, ярости, ненависти и порывов к добру...»

Я написал это двадцать лет тому назад, в разгаре полемики (напечатано в моих «Снах земли», Париж, 1984, с. 350). Думаю так и сейчас. Есть характеры, созданные Провидением для одной великой цели. Все остальное в них носит отпечаток этой цели, подчинено цели и затрудняет дело, когда возникает новая цель. Жесткость тарана конструктивна, необходима для выполнения задачи тарана: разбить ворота. Главным делом Солженицына было сокрушение ворот Зоны, саму себя назвавшей лагерьем мира и демократии. Ни Оруэл, ни Кестлер, бывшие по нам, их не разбили, не преодолели иллюзий левой интеллигенции. Только после Солженицына миру стало ясно, что реальный коммунизм — именно лагерь, окруженный Зоной бесконвойного хождения, имитирующей гражданскую жизнь. Что здесь решило? Монблан фактов, создавший эффект достоверности текста? Или энергия стиля? Не знаю. Но мировое значение «Архипелага ГУЛАГ» бесспорно. Только в России этот труд слишком поздно прочли широкие круги, не знавшие самиздата, жившие в потоке избыточной информации, притуплявшей чувства.

В стиле Солженицына была сила. Не раз переворачивавшая пласты истории. Я назвал ее страстной односторонностью. Она требует противовеса, бесстрастия духа. Убеден, что Солженицын сам чувствовал необходимость такого противовеса, думал о

нем — и говорил, рисуя Нержина, говорил от собственного имени в исповедальных главах «Архипелага»: и с призывом к бесстрастию духа он начал статью «Рассказание и самоограничение». Там очень хороши первые страницы. Выписываю только несколько строк: «Разграничительная линия добра и зла проходит не между странами, не между нациями, не между классами, даже не между хорошими и плохими людьми: разделительная линия пересекает нации, пересекает партии и в постоянном перемещении теснима светом и отдает больше ему, то теснима тьмою и отдает больше ей. Она пересекает сердце каждого человека, но и тут не прорубает канавки навсегда, а со временем и поступками человека — колеблется» («Из-под глыб», 1974, в. 118). Лучше не скажешь.

Есть, однако, глубокое различие между целостностью личности, как она высказалась в солженицынских «автопортретах», и публицисткой. В нехудожественном тексте противоположности перестают быть связаны сверхлогической связью, они подчиняются каждой своей собственной логике, и страстная забота легко может подавить такую глубину. На волне торжества, вызванного мировым успехом «Архипелага», задача внутреннего очищения оказалась выполненной, завершенной, и вырвалась наружу национальная озабоченность. Порыв к бесстрастию, к взгляду с неба на игру земных интересов — своих и чужих — захлебнулся. В отвлеченных рассуждениях Солженицын призывал к национальному раскаянию. Но как только доходило дело до конфликтов с опасными соседями, русские оказывались или вовсе не виноваты, или почти не виноваты и вообще вредили только самим себе. Национальная озабоченность сказалась и в плане обустройства посткоммунистической России, в опасном проекте перекрытия границ между республиками, часто действительно нелепых границ, но привычных

Архив «ВК»

К 80-летию Александра Солженицына

и ставших частью национального самосознания казахов, киргизов...

Я убежден, что проблемы России, в особенности национальные проблемы, — это ряд неразрешимых узлов. Здесь нет очевидных истин, нет непобедимых аргументов. Здесь каждая сторона видит по-своему и нужна способность слушать другого, понять внутреннюю обоснованность его точки зрения. Без этого всякие попытки поладить миром становятся разговором глухих.

Страстная односторонность осложнила и отношения Солженицына с интеллигенцией. В поздних романах мне бросилась в глаза сцена, где Николай II вслушивается в молчание народа и пытается понять, выразить его волю. Это Солженицыну легко себе представить. Труднее — разговор на равных, диалог об истине, никому целиком не дающийся в руки. Отчасти от этого — раздражение против «образованщины», от этого — зачисление в «образованщину» всех своих оппонентов, какими бы они ни были по уровню

мысли, по нравственной независимости, по укорененности в русской и мировой культуре.

Солженицын слишком долго не возвращался в Россию, вернулся с готовыми планами, выношенными в уединении, и оказался едва ли не в одиночестве. Почтительные поклонники быстро сменились грубыми нападками. Дело дошло до того, что мне дважды пришлось выступить в защиту своего оппонента, с которым я по-прежнему оставался во многом не согласен. Но стиль полемики я считаю еще более важным, чем предмет ее. Именно стиль, корректный стиль спора создает устойчивую демократию, более того — любое устойчивое общество, однако, дело не только в этом.

Солженицын был и остается для меня важнейшим участником национального диалога. Я не могу принять буквально программу земства. Но я совершенно согласен с идеей, что надо вести реформы не только сверху, из Кремля, а еще снизу. По письмам моих читателей я убедился, что в самых глупых, спившихся деревнях есть замечательные учителя, которые борются за спасение детей, и надо думать, как объединить таких одиночек. Я верю в способность телевидения стать «коллективным организатором» (не боюсь процитировать Ленина), организатором разбросанных духовных сил, и согласен с Солженицыным, что желтое телевидение развращает страну. У меня свое понимание святых, но я согласен с Солженицыным, что нельзя поднимать Россию, повторяя слова Воланда: «Люди как люди, любят деньги». Я нахожу много излишнего в попытках создать какой-то особый язык, но сочувствую борьбе с омертвлением язы-

ка (а значит, и мысли) в устах недоучек. Наконец — последнее по счету, но не по важности! — я всегда называю имя Солженицына первым в списке писателей, сумевших передать опыт становления, а не разрушения личности в лагере, опыт «воспитания чувств». Это бесконечно важно для выхода из нынешнего хаоса.

Солженицыну трудно повернуться к диалогу. Терпимость легко дается людям, у которых вовсе нет страстных убеждений, которые одновременно печатаются в «Сегодня» и «Завтра». Такая терпимость не очень многого стоит. Солженицыну, захваченному потоком собственного вдохновения, трудно слушать и выслушивать других, искать согласия сквозь несогласия. Его взрывы ярости бывают тяжелы для собеседника, но они неотделимы от страстности, которая сама по себе — творческая сила.

Солженицын — живая противоположность апатии, охватившей общество. Одна из великих задач искусства — передача творческой энергии. И я не думаю, что источник его энергии иссяк. В статьях, вошедших в «Дневник писателя», можно почувствовать собрание сил для новой роли, которую судьба ему приготовила.

«Дневник писателя» — это диалог, и не только профессиональный диалог литераторов; это диалог с интеллигенцией. И в этом диалоге Солженицын становится несколько иным, чем в «Глыбах», более внимательным к другому, к людям, жившим не по его правилам, а по своим, но жившим достойно и оставившим достойный след. Я сожалел, что он не выступил, в свое время, в защиту Василия Гроссмана, и рад был прочесть сочувственный разбор эпопеи Гроссмана, с уважительным итогом: «Диалогия эта — конечно вклад в русскую литературу, и притом — на коренном пути ее традиции» («Новый мир», 1998, № 1, с. 190). Я рад был фразе, мелькнувшей в разборе стихов Семена Липкина «Так — автор достигает высоты уже выше национальной» («Новый мир», 1998, № 4, с. 185). Рад не за Липкина — ранг поэта устанавливается его собственными стихами — а за Солженицына, за практическое, конкретное признание вселенского, сверхнационального на вершине иерархии ценностей (этого мне не хватало в «Глыбах»). Я рад очевидному желанию принять другого таким, каков он есть. И Солженицын заслуживает того, чтобы мы — демократы, плюралисты — принимали его самого таким, каков он есть, со всеми внутренними трудностями его развития. Не только за прошлое, а за нынешний его вклад в диалог, за сегодняшнюю жизнь его духа.

Григорий Померанц, философ, культуролог, писатель, правозащитник, участник «самиздата» и «тамиздата», оппонент А. Солженицына с конца 60-х годов.

154